

ИЖВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

XXXVII г.

№ 11

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXXVII

1906

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ приложеніемъ 40 книгъ „Сборника“, содерж. соч. М. Е. Салтыкова-Щедрина и К. М. Станюковича, 12 книгъ Литературныхъ и популярно-научныхъ приложений, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

Выданъ 19-го марта 1906 г.

Подписная цѣна съ достав. и перес. на 1/2 года 4 р., на 1/4 года 2 р.

Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Къ этому № прилагается: „Полнаго собранія сочиненій К. М. Станюковича“ книга 3.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1906 г.

Съ приложеніемъ 40 книгъ полныхъ собраній сочиненій:

М. Е. Салтыкова-Щедрина

Остальная 30 книгъ
полнаго собранія.

Съ «Матеріалами для біографіи М. Е. Салтыкова» К. К. Арсеньева.

К. М. Станюковича

Первая 10 книгъ
полнаго собранія

подъ редакціею и съ критико-біографич. очеркомъ П. В. Быкова.

12 выпусковъ „Литературныхъ и популярно-научныхъ приложений“.

12 №№ „Парижскихъ модъ“ и пр.

Вечерній отдыхъ. Картина О. Штютцеля, гравюра Фальшесера.

На томъ берегу.

Новелла нашихъ дней.

П. П. Гнѣдича.

(Продолженіе).

XIII.

Въ концѣ лѣта, я получилъ отчаянное письмо отъ моей крестницы, только годъ назадъ вышедшей замужъ за молодого техника. Она умоляла меня прѣхать въ Петербургъ и посовѣтовать, что дѣлать: ей предстоитъ операція, и мужъ совсѣмъ потерялся.

Я засталъ Варю похудѣвшей, возбужденной, съ темными впадинами подъ глазами. Точно она постарѣла сразу на нѣсколько лѣтъ. Ея техникъ, въ самомъ дѣлѣ, былъ настолько растерянъ, что во все время нашего разговора то надѣвалъ, то снималъ шапку, хотя мы сидѣли въ столовой.—Когда Варя заболѣла, она обратилась къ своему доктору. Докторъ осмотрѣлъ ее внимательно и сказалъ:—„гм!“ Потомъ онъ посовѣтовалъ обратиться къ специалисту, доктору Дедюлину, дать къ нему свою карточку, а въ обмѣнъ получить золотой. Докторъ Дедюлинъ былъ настолько внимателенъ, что ему пришлось дать два золотыхъ. Но тѣмъ не менѣе онъ отправилъ пациентку къ доктору Мамулину, потому что это дѣло, по его мнѣнію, могъ рѣшить только хирургъ. Хирургъ принялъ Варю въ сообществѣ двухъ хорошенекъ фельдшерицъ, которыя ее увѣрили, что нисколько не должно быть стыдно совершенно раздѣться и лечь на столъ, тѣмъ болѣе, что Мамулинъ человекъ очень деликатный. Деликатный человекъ около часа вертѣлъ несчастную, ворчалъ на фельдшерицъ, которыя что-то не такъ держали,—а затѣмъ попросилъ пациентку одѣться. Когда она, взволнованная и горячая отъ стыда, пришла изъ-за ширмъ одѣтая и краснѣя сѣла передъ нимъ, онъ пригласилъ изъ сосѣдней комнаты мужа, сжалъ губы и сказалъ:

— Сударыня, не могу скрыть отъ васъ, что болѣзнь ваша принадлежитъ къ категоріи тѣхъ болѣзней, которыя составляютъ одинъ изъ бичей человѣчества. Онѣ совсѣмъ не такъ рѣдки, какъ вы думаете, и мы, въ нашей практикѣ, наталкиваемся на нихъ почти ежедневно. Если бы, сударыня, вы обратились ко мнѣ двадцать лѣтъ тому назадъ...

— Позвольте, ей всего двадцать три года,—замѣтилъ техникъ.

— Вы меня не понимаете,—небрежно возразилъ эскулапъ.—Если бы, говорю я, вы обратились ко мнѣ двадцать лѣтъ тому назадъ, я бы сказалъ вамъ, что положеніе ваше болѣе чѣмъ серьезно. Единственный исходъ—операція,—а счастливый исходъ опредѣляется тремя процентами,—тремя выздоровѣвшими изъ ста случаевъ! Не волнуйтесь, сударыня: я не кончилъ. Но такъ какъ вы обратились ко мнѣ въ настоящее время, когда наука сдѣлала такіе гигантскіе шаги на пути прогресса,—я скажу вамъ: единственный исходъ—все-таки операція. При этомъ я долженъ вамъ констатировать ту же цифру трехъ процентовъ,—но уже смертности! На моихъ глазахъ даже не было ни одного примѣра неудачнаго исхода. Поэтому, сударыня, рѣшайтесь смѣло на операцію—и вѣрьте, что послѣ нея вы будете здоровѣе, чѣмъ когда бы то ни было.

Но Варя сразу не рѣшилась. Лежать два часа подъ хлороформомъ ей казалось равносильнымъ смерти. И вотъ она выписала меня для окончательнаго рѣшенія.

— Коли надо, такъ о чемъ думать,—сказалъ я.—Когда мнѣ разъ сказали, что мнѣ нужна операція, то я попросилъ ее сдѣлать черезъ два часа.

— И сдѣлали?

— Сдѣлали. Потомъ я вылежалъ три недѣли—вотъ и все. А я тебѣ вотъ что посовѣтую. Я тебя свезу еще къ одному доктору, моему другу, которому вѣрю.

— Опять на столъ положить?

— Нѣтъ, у него кушетка.

— Ужасная мерзость!—пробормоталъ техникъ.

Все-таки я ее повезъ къ другу. Тотъ со всегдашнимъ радушіемъ и необычайной мягкостью все, что надо, узналъ и сказалъ:

— Пустяки, такой вздоръ, что говорить не стоитъ!

Варя отъ радости вспыхнула.

— Вы ляжете въ клинику, васъ въ недѣлку подготавливать, затѣмъ все, что надо, сдѣлать, а черезъ мѣсяцъ еще—вы можете дома быть.

— Такъ все-таки...—запестала она.

— Операція-то? Ну, конечно, непременно, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, и непременно въ клиникѣ, гдѣ всѣ усовершенствованы. Но вотъ что я вамъ скажу: если вы хотите блистательнаго исхода, обратитесь къ профессору Отцвѣтаеву, знаменитому Отцвѣтаеву, великому, извѣстному Отцвѣтаеву! Ужъ онъ такъ вамъ все это сдѣлаетъ, какъ никакіе Мамулины, Тетюлины и Палулины не сдѣлаютъ. Это художникъ. Онъ завтра возвращается изъ-за границы. Ложитесь въ его клинику, у него дивная клиника, не только послѣднее, а будущее слово науки. И онъ такъ неслышно, такъ лѣжно произведетъ операцію, точно за ушкою почешетъ.

Хотя мой другъ и показался Варѣ шарлатаномъ, потому что говорилъ слишкомъ много и не по-докторски, но все же мы рѣшились обратиться къ „великому“ и „знаменитому“.

XIV.

Аккуратно, въ извѣстный день, „великій“ прибылъ изъ-за границы. Онъ произвелъ самое лучшее впечатлѣніе на мою молодежь своей строгостью, опредѣленностью и вниательностью. Такъ что Варя съ спокойнымъ сердцемъ переехала въ клинику.

— Ага, ага!—радовался мой другъ.—Я говорилъ,—онъ несравненный. Это ходячая пунктуальность. 30-го апрѣля онъ выѣзжаетъ за границу. Аккуратно, въ опредѣленный часъ, онъ завѣшивавъ свою квартиру, запираетъ ее до сена и отправляется черезъ Швецію и Норвегію куда-то, какіе-то лѣтніе курорты. Оттуда онъ появляе... осенью, освѣженный, сильный, и до мая, изо-дня-въ-день, по пятнадцати часовъ работаетъ въ операціонной. Но на четыре мѣсяца онъ буквально прерываетъ связь съ міромъ, словно переселяется на луну: жена его живетъ на своей дачѣ въ Павловскѣ, и даже она не знаетъ о немъ ни звука. Онъ говоритъ: „въ случаѣ моей смерти, ты получишь мой гробъ. Ежели ты умрешь, я, по возвращеніи, поставлю надъ тобой памятникъ“. Вотъ ты увидишь, какъ онъ стремонтируетъ твою крестницу.

Чѣмъ ближе приближался день операціи, тѣмъ болѣе волновалась и Варя, и техникъ. Наконецъ, роковой день насталъ,—и бѣдную, побѣлѣвшую отъ страха Варю отвели въ комнату пытокъ. Техникъ бѣгалъ кругомъ зданія въ теченіе двухъ часовъ и все читалъ вывѣску на воротахъ: „входъ постороннимъ воспрещенъ“. Потомъ онъ пробовалъ врываться въ коридоры клиники, но двери были заперты. Онъ повторялъ машинально фразу фельдшерицы: „операціонная готова, паръ осѣлъ“. Онъ знаетъ, что комнату наполняютъ горячимъ паромъ, чтобы удалить микробовъ, и что этотъ паръ потомъ осѣдаетъ росой на стеклахъ и кафеляхъ. Вотъ онъ все и твердилъ, бѣгая кругомъ: „паръ осѣлъ, паръ осѣлъ!“—а потомъ для разнообразія:—„осѣлъ паръ, осѣлъ паръ!“

Потомъ онъ увидѣлъ „великаго“ въ колпакѣ и бѣломъ балахонѣ. У „великаго“ на лбу были напярязаны

жили, но лицо было свѣтлое, какъ въ заутреню на пасху.

— Ну, что? — лепеталъ мужъ.

— Ничего. Лежить у себя на кровати. Вѣеромъ на нее машутъ, ледъ глотаетъ.

— Глотаешь?

— Отчего-жъ ей не глотать?

— А операція?

— Все какъ надо.

— Не умреть она?

— Когда-нибудь.

— А теперь?

— Нѣтъ.

Техникъ хотѣлъ кинуться къ „великому“ на шею, но „великій“ отстранилъ его.

— У меня платье дезинфицировано, — не пачкайте, пожалуйста.

Все, въ самомъ дѣлѣ, прошло очень благополучно, и на слѣдующей недѣлѣ меня къ ней пустили.

Она была еще худѣе, еще блѣднѣе, но черные глаза горѣли широко, веселымъ огонькомъ.

— Ахъ, папа крестный, я такъ счастлива, такъ рада...

Только-что мы разговорились, какъ растерявшаяся фельдшерица юркнула въ дверь и ужасающимъ шопотомъ заявила:

— Профессоръ обходъ дѣлаетъ!

Вслѣдъ за ней вбѣжалъ въ комнату молодой врачъ, испуганно посмотрѣлъ на меня и сказалъ:

— Выйдите, выйдите, пожалуйста.

Но было поздно. „Великій“ уже входилъ въ комнату. Не обращая на меня вниманія, онъ подошелъ къ больной и сѣлъ на кончикъ кровати.

— Ну, какъ мы себя чувствуемъ? — спросилъ онъ.

Я его видѣлъ въ первый разъ. Это былъ высокій старикъ, гладко выбритый, безъ усовъ и бороды. Въ прищуренныхъ сѣрыхъ глазахъ было много ума и энергіи. Лицо его мнѣ показалось знакомымъ; и въ голосѣ тоже чувствовалось что-то, что я слышу не въ первый разъ.

Когда онъ кончилъ опросъ и всталъ, глаза наши встрѣтились. Мнѣ показалось, что лицо его дрогнуло, но, можетъ-быть, только показалось.

Варя назвала меня. Онъ протянулъ руку, какъ будто улыбнулся, и проговорилъ:

— Пріятно!

Мы стояли другъ противъ друга нѣсколько минутъ. Потомъ онъ сказалъ:

— Надѣюсь, черезъ двѣ недѣли можно выписать.

Мы смотрѣли другъ на друга. Издивленіе, которое, какъ мнѣ показалось, сначала отразилось на его лицѣ, совершенно сбѣжало, и онъ зорко, не спуская глазъ, смотрѣлъ на меня. Только возлѣ губъ какъ будто ползала нѣкоторая насмѣшка.

Зато я не могъ разобраться въ томъ, кто былъ передо мной. Какъ будто это былъ мой финляндскій сосѣдъ, но безъ бороды и съ головой Дефлорье. Онъ такъ же, какъ тамъ, въ Парижѣ, и недавно на станціи, поводилъ шеей, такъ же смотрѣлъ бокомъ, по птичьей. Но теперь онъ былъ выше, по крайней мѣрѣ, на четверть аршина. Эта путаница образовъ до того меня сбивала съ толку, что я молча смотрѣлъ на него и не могъ сказать ни слова.

— Очень радъ быть чѣмъ-нибудь служить, — сказалъ онъ и, простившись, пошелъ къ двери.

XV.

Я никогда, какъ уже имѣлъ случай упомянуть раньше, не имѣю привычки интересоваться сосѣдями, и вообще людьми, съ которыми встрѣчаюсь. Люблю, чтобъ меня оставляли въ покоѣ, а самъ оставляю въ покоѣ другихъ. Но тутъ меня опять, какъ въ началѣ лѣта, сталъ точить какой-то червякъ.

Навязчивая мысль о „великомъ“ и Дефлорье весь вечеръ кружилась въ головѣ. Несомнѣнно, между ними обоими есть нѣчто общее, хотя опредѣлить отношенія

ихъ обоихъ къ фигурѣ финляндскаго помѣщика съ ясностью я не могъ. Больше всего меня путала арія „Ночь тепла“. Вѣдь не была же это галлюцинація? Или все это совпаденія, — нелѣпыя, странныя, но только совпаденія?

И ночью было не лучше. Я припоминалъ малѣйшія детали моихъ мимолетныхъ встрѣчъ, и чѣмъ больше думалъ, тѣмъ болѣе приходилъ къ убѣжденію, что все это случайности, и что улыбка „великаго“ относилась совсѣмъ не къ нашимъ встрѣчамъ на лугахъ.

Я какъ будто началъ успокаиваться. Особенно меня успокаивала разница фамилій. Какъ вдругъ словно какой толчокъ заставилъ меня вскочить съ дивана.

— Отпѣтасъ и Дефлорье? Вѣдь есть французскій глаголъ *déflourir*?.. Конечно, это одно и то же!

Путаница эта, какъ метель, завертѣлась передо мною. Я долго ходилъ по комнатѣ. Я началъ ловить себя на томъ, нормальны ли мои умственные способности.

Утромъ я справился, когда принимаетъ Отпѣтасъ у себя на дому. Оказалось, отъ шести до восьми, два раза въ недѣлю. Я рѣшилъ ѣхать къ нему подъ предлогомъ полѣчить ногу, ушибленную нѣсколько лѣтъ назадъ при паденіи съ лошади.

Пришлось записываться и ждать. Мужчинъ къ нему ходило мало, больше были женщины. Держать онъ ихъ подолгу. Очевидно, былъ аккуратенъ и внимателенъ.

Когда я вошелъ, онъ опять улыбнулся, какъ тогда, и, протягивая руку, сказалъ:

— А, это вы?

Точно онъ ждалъ меня и зналъ, что я приду. Я ему объяснилъ цѣль прихода. Онъ потрогалъ пальцемъ колено и какъ будто не повѣрилъ моимъ словамъ.

— Я вамъ не совѣтую лѣчиться, — усталымъ голосомъ сказалъ онъ. — Если вамъ дать старинное средство — припарки, чего добраго, вы застудите колено... Пожалуй, я пропишу вамъ кое-что...

И онъ, придвинувъ свою книжку, началъ набрасывать рецептъ. Я смотрѣлъ на его профиль. Птичій глазъ особенно напоминалъ Дефлорье.

— Вы знаете, профессоръ, какая странность, — началъ я. — Вы мнѣ напоминаете одно лицо...

— Это весьма возможно, — спокойно возразилъ онъ.

— Фамилія этого лица — Дефлорье.

— Дефлорье? — повторилъ онъ, поднимая брови. — Странная фамилія! Никогда не слыхалъ.

— Согласитесь, что, при наружномъ сходствѣ, еще страннѣе то, что фамилія является какъ бы переводомъ съ одного языка на другой.

— Да, это странно, — повторилъ онъ. — А я думалъ...

Онъ замолчалъ.

— Я думаю, что вы меня смѣшали съ моимъ братомъ, — съ нимъ насъ постоянно путаютъ. Мы похожи, хотя онъ меньше ростомъ. Онъ живетъ постоянно въ Финляндіи.

— Онъ бритый, не правда ли? — спросилъ я, чувствуя, что опять путаюсь въ образахъ.

— Не знаю, я его давно не видѣлъ. Чуть ли онъ не отпустилъ себѣ бороду. Онъ живетъ совершеннымъ алахоретомъ, — никто изъ насъ не знаетъ, — даже и съ нимъ не вижу. У него крохотный домикъ, въ самой глуши, и онъ тамъ живетъ даже безъ кухарки.

Я зорко посмотрѣлъ на „великаго“.

— Нѣтъ, — сказалъ я: — кромѣ того тамъ живетъ особа, обладающая огромнымъ сопроно. Я жилъ рядомъ...

— У него? — переспросилъ профессоръ, странно улыбаясь. — Вы ошибаетесь. У него — огромный граммофонъ, и иногда по цѣлымъ ночамъ онъ жаритъ аріи изъ разныхъ оперъ... Такъ вотъ, — перебилъ онъ самъ себя: — принимайте это лѣкарство три раза въ день. Подвергайте больше ваше тѣло вліянію воздуха. Старайтесь лѣтомъ носить какъ можно меньше платья — и часа два въ день берите воздушныя ванны. То-есть, оставайтесь въ лѣсу совершенно раздѣтымъ. Можетъ, заняться какимъ-нибудь

Маленькая датчанка. Картина Эдуарда Кабана, арт. «Нивы».

Суламию. Картина Г. Райлана, акт. «Нивы».

трудоу: рубить лѣсъ, копать каналы, проводить дорожки,—вообще что-нибудь, что заставило бы васъ стряхнуть съ себя эту ужасную городскую жизнь.—Три четвѣрти нашихъ болѣзней—отъ негигіеническаго образа жизни.—Если вы живете въ Финляндіи, тѣмъ лучше: пользуйтесь ея дивнымъ климатомъ. Она, повѣрьте, для насъ, сѣверныхъ жителей, здоровѣе юга. Посмотрите, до чего въ Финляндіи ровна температура дня и ночи. Колебанія термометра—минимальны. Часто ночью—двѣнадцать градусовъ, а днемъ—восемнадцать. Приучите свою кожу такъ же выдерживать холодъ, жаръ, дождь и даже снѣгъ, какъ выдерживаетъ ихъ ваше лицо. Чѣмъ меньше будете прятаться отъ вѣтра и непогоды, тѣмъ будете здоровѣе...

Онъ воодушевился, говорилъ горячо и любовно.

— А вы любите Финляндію, какъ и я?—поймалъ я его.

— Я люблю и Швецію, и Норвегію,—поправилъ меня онъ.—Я люблю сѣверъ.

Онъ всталъ, давая знать, что свиданіе наше кончено.

— Мнѣ жалъ, что я не могу осень проводить внѣ города,—сказалъ онъ:—лучшее время года, если она такая, какъ нынче: сухая, солнечная, ясная.

Уже въ дверяхъ, я сказалъ ему:

— Развѣ у вашего брата такой маленькій домикъ? Однако у него на виллѣ громоотводъ?

Профессоръ засмѣялся.

— У него нѣтъ на крышѣ громоотвода, а только печная труба,—сказалъ онъ и, пропустивъ меня въ дверь, сказалъ:

— Прошу слѣдующаго.

XVI.

Меня мало удовлетворить мой визитъ. Несомнѣнно, фамилія Дефлорье была ему незнакома. Но сбивалъ меня съ толку граммофонъ. Онъ раздавался на томъ берегу въ разныхъ мѣстахъ; очевидно, его переносили. Но въ то же время мнѣ говорила моя чухонка, что на виллѣ живетъ „барыня“...

Когда внизу, у швейцара, я надѣвалъ пальто,—съ улицы вошла красивая дама лѣтъ сорока, съ малозначащимъ, но свѣжимъ лицомъ. Рядомъ съ ней шла дѣвочка лѣтъ пятнадцати, очень на нее похожая.

— У барина пріемъ не конченъ?—спросила она мимоходомъ у швейцара.

— Двѣ остались какихъ-то,—отозвался онъ.

— Это жена профессора?—спросилъ я.

— Такъ точно. Супруга и дочка.

— Лѣтомъ они врозь живутъ?

— Такъ точно. Барыня на собственной дачѣ,—а баринъ гдѣ-то лѣжится.

— Въ Финляндіи?

— Лошади ихъ отвозятъ на Финляндскій вокзалъ.—но гдѣ они живутъ—адреса не оставляютъ.

Отцвѣтавъ соблазнилъ меня, сказавъ, что осень лучшее время года. На другой день я рѣшился вернуться къ себѣ.

Едва поѣздъ миновалъ дачныя предмѣстья города, и открылась зеленая панорама холмовъ, мнѣ показалось, что я заново родился. Мимо мелькали еще опущенные зеленую лѣса. Когда на Угасѣ все уже облетѣло, у насъ на сѣверѣ еще шумятъ лиственными деревья, иногда до половины октября держится ихъ багряный уборъ, и они, какъ въ золотой пудрѣ, дрожатъ на веселомъ солнцѣ. А небо въ эту пору дѣлается изъ бирюзового слегка зеленоватымъ—точно палетъ цвѣта морской воды насквозь пронизываетъ стеклянную глубь небосвода. Треугольники утокъ и лебедей тянутся наверху. Даль дѣлается голубая и прозрачная. Бѣгутъ вагоны, и рядомъ съ ними бѣжитъ четырехугольная лиловая тѣнь. Паръ отъ машины дѣлается тяжелѣе, падаетъ густыми комками. Все гулко, все чутокъ въ воздухѣ, и свистъ паровоза, и звонъ колокола, и ржанье лошадей на станціи.

На станціи, гдѣ я слѣзъ, стоялъ мой сосѣдь-дворникъ и дожидался газетъ. Ему выбросили на прилавокъ русскіе

журналы подъ бандеролью. Подъ названіемъ станціи было напечатано: Андрею Покканену. Я зналъ, что Покканенъ онъ самъ.

— Вашъ господинъ еще не уѣхалъ?—спросилъ я.

— Та,—отвѣтилъ онъ.

— Не уѣхалъ?

— Та.

— А когда ѣдетъ?

— Не снаю.

Дома у меня все было по-старому. Въ первый же день приехала мнѣ моя Ева корзинку.

— Рипи ринесса.

— Какую рыбу?

— Та нѣтъ, не рипу, а рипи. Пѣли рипи.

— Показывайте.

Показывасть пѣлую уйму бѣлыхъ грибовъ.

— Сколько вамъ надо?

— Марку двадцать пенни.

— Получайте марку двадцать пенни. Скажите, а на той виллѣ, напротивъ, еще живутъ?

— Сивутъ. Паринъ уѣхалъ короть. А сивутъ.

— Кто-жъ живетъ?

— Не снаю, какъ по-русски сказать. Коспота сивутъ. Всера сайса купили.

— Какого сайса купили?

— Яннисъ,—саясь.

— Ахъ, заяцъ!

— Та. Мы сами не ѣдимъ...

— Отчего?

— Та онъ поканый.

— А господа ѣдятъ?

— Коспотамъ се равно.

— Почему же имъ все равно?

— Коспота... Они русенику ѣдятъ... Люкву...

— Бруснику и клюкву?

— Та... И ряпицу... Мы не ѣдимъ... И риповъ не ѣдимъ...

— А сунъ-то грибной зимой хорошо,—отчего бы вамъ...

— Нѣтъ... Луссе нисего не надо... А вотъ — парыня ситить.

Она показала пальцемъ на противоположный берегъ.

Я оглянулся. На пристани, въ ярко-красномъ платьѣ, сидѣла еще нестарая женщина, съ распущенными по спинѣ черными волосами. Она откинулась на спинку скамьи и задумчиво глядѣла на водный просторъ. Гдѣ она была все лѣто — не знаю, но видѣлъ я ее въ первый разъ...

— Это и есть барыня съ виллѣ?—спросилъ я.

— Та, парыня.

Ночь тиха,

Ночь тепла...

—вдругъ радомось, но не отъ пристани, а сбоку, откуда-то изъ реки.

— А это кто постъ?—спросилъ я.

— А эта стуска такая.

— Какая штучка?

— Я не снаю, какъ по-русски...

— Граммофонъ?

— Та... краммофонъ... Это у парина, сто тамъ сивегъ, за корою.

— За этой горою?

— Та... У него тамъ томикъ маленьки...

— Фамилія его Дефлорье?

— Нѣтъ... Не снаю...

— Вы сказали, что господинъ уѣхалъ?

— Отна уѣхалъ, который полсой томъ; а который маленький томъ—сиветь.

— Такъ тутъ два господина?

— Та. Два. Одинъ—полсой томъ; трукой—маленькій томъ.

— Одинъ докторъ?

— Та, докторъ, онъ лѣситъ.

— А другой что дѣлаетъ?

— Онъ нисего не дѣлаетъ. Папиросы курить.

Ева ушла. Сумбуръ какъ будто нѣсколько разъяснен. Несомнѣнно: ихъ два брата. Одинъ—„великій“, другой—„малый“. Малый—это Дефлорье. Но дама? Что она не была т-те Капля, въ томъ дѣя для меня сомнѣній не было, потому что та была совсѣмъ иная. Однако и тутъ было какое-то зловѣщее сходство и въ голосѣ, и даже въ фигурѣ.

«Почъ тиха.
Ночь тепла...»

— пронеслось совсѣмъ близко надъ рѣкой. Я оглянулся. Это пѣла на пристани сидѣвшая тамъ женщина, и ея сильный, свѣжій голосъ мощно лился надъ рѣкою...

XVII.

Я причалилъ къ тому мѣсту, гдѣ иѣкогда былъ позорно изгнанъ „великимъ“, когда еще онъ былъ съ бородой. Вытащивъ наполовину лодку на берегъ, я пошелъ скопленнымъ полемъ накосъ, рассчитывая, что никого не встрѣчу. Я уже обогнулъ уголъ сада, когда носомъ къ носу столкнулся съ Дефлорье. Онъ остановился, посмотрѣлъ на меня и не узналъ, но нахмурился.

— Кажется, Дефлорье?—спросилъ я.

— Что?—вдругъ воскликнулъ онъ съ такимъ изумленіемъ, точно предъ нимъ упалъ аэролитъ.

— Развѣ я ошибаюсь?—стоялъ я на своемъ.—Я зналъ васъ лѣтъ девятнадцать назадъ подъ этимъ именемъ.

— Ме-ня?

Вдругъ онъ что-то вспомнилъ.

— Пойдите, пойдите... Меня одинъ идіотъ дѣйствительно такъ звалъ.

— Вы про Каплю?

— Про него.

— Ну, вотъ видите.

— Такъ вы, значитъ, изъ того прошлаго, когда мы проживали въ Хохландіи, задолго до Чухландіи?

— Да. Потомъ я васъ въ Парижѣ встрѣтилъ въ концертѣ...

— Возможно. Такъ что же вамъ отъ меня надо?

— Возно ничего.

— Ну, и слава Богу.

— Съ братомъ вашимъ видѣлся на-дняхъ, съ хиртургомъ.

— Познакомъ.

— Съ кѣмъ, съ братомъ?

— Да. Причины вамъ безразличны.

— Это ваше имѣніе?

Я показавъ на виллу.

— Ничего подобнаго. Мое тамъ...

И онъ показавъ куда-то пальцемъ.

— А вотъ вы мнѣ лучше скажите, за коимъ чортомъ вы здѣсь?—спросилъ онъ.

— Да вамъ-то что?

— По чужой землѣ шляетесь. Вы не сыщикъ?

— Какой сыщикъ?

— А вотъ, что въ полиціи служить.

— Не сподобился.

— То-то. А если что, такъ я васъ предупреждаю.

Онъ вынулъ изъ кармана бульдогъ.

— Вотъ удивили!—засмѣялся я.—У меня тоже есть, даже два. Зачѣмъ только намъ стрѣлять другъ въ друга?

— А скоро вы уйдете отсюда?

— Можетъ, всю зиму останусь.

— Вотъ-те на! Съ волками быть?

— Можетъ-быть.

— А я бы вамъ совѣтовать уѣзжать.

— Я васъ не послушаю.

— Вы мѣшаете. Вамъ все равно, а мнѣ мѣшаете. Чего добраго, придется васъ спровадить силой.

— Это еще что такое?

— Да ничего. Просто выживу васъ. Вѣдь это легко.

— Не думаю.

— Стоить домъ поджечь.

— Хорошее занятіе.

— А чѣмъ дурно? Здѣсь всѣ постройки застрахованы. Домъ сгоритъ, а вы уйдете. Ей-Богу, подумайте объ этомъ. Ночи теперь темныя... Подкрадутся, спать... Я вамъ даю три дня на размышленіе.

— Вы, право, съ ума сошли.

— Слушайте, я вѣдь серьезно. Въ другое время я бы ничего не сказалъ; но именно теперь... теперь необходимо, чтобъ васъ здѣсь не было. Я по-товарищески говорю. Съ будущаго лѣта опять живите, чортъ съ вами. А теперь, серьезно, оставьте меня въ покоѣ.

— Послушайте, мнѣ все болѣе начинаетъ казаться, что вы спятили съ ума. Я рѣшилъ здѣсь основаться. Я покупаю весь тотъ противоположный берегъ и желаю сдѣлаться финляндскимъ помѣщикомъ. Что же это за насиліе съ вашей стороны? По какому праву вы этого требуете?

— По праву сильного.

— А вы сильны?

— Да. Повторяю, черезъ три дня мы увидимся. Я вамъ запрещаю пріобрѣтать здѣсь собственность.

Онъ взмахнулъ шляпой и зашагалъ далѣе по полю.

— Что вы дѣлаете?—крикнулъ я, видя, что онъ садится въ мою лодку.

— Я скоро вернусь: съѣзжу только на ту сторону, къ сторожу. Вы пока подумайте. Идите все прямо тропинкой до опушки березовой рощи, тамъ увидите дорогу, что ведетъ на полустанокъ. Дойдите до полотна и возвращайтесь назадъ: я къ тому времени ворочусь.

Это онъ проговорилъ, уже отбѣхавъ на нѣсколько саженъ. Я на дорогу не пошелъ, а двинулся вдоль опушки къ виллѣ. Сухіе листья шуршали подъ ногами и летѣли съ деревьевъ, какъ золотые мотыльки. Я дошелъ до зеленыхъ рѣшетчатыхъ воротъ. Они были заперты, на доскѣ было что-то написано по-фински, а внизу по-русски:

„Нельзя!“—и со знакомъ восклицанія.

XVIII.

Пахальство Дефлорье-Отцвѣтаева меня бѣсило. Я рѣшилъ не уступать ему и его требованіямъ противопоставить свое рѣшеніе. Три дня я его не видѣлъ. Казалось, все вокругъ вымерло, и только разъ вдругъ доносилось изъ-за рощи:

«Ночь тиха,
Ночь душна...»

Я силится уловить: граммофонъ это или голосъ; но разстояніе было слишкомъ велико, и разобрать я ничего не могъ.

На четвертый день, когда я спустился къ лодкѣ, первое, что бросилось мнѣ въ глаза—Дефлорье. Онъ сидѣлъ на камнѣ и курилъ коротенькую трубку. При видѣ меня, онъ кивнулъ головой, не снимая шляпы, и спросилъ:

— Ну?

— Что ну? Это я долженъ у васъ спрашивать—ну. Зачѣмъ вы пришли?

— За отвѣтомъ.

— Я съ крестьянами сторговался.

— Сколько же они просятъ?

— По двѣ тысячи за десятину. То-есть, марокъ.

— Недорого.

— И я нахожу тоже.

— Значитъ, вы на мои предостереженія плюете?

— Если хотите столь рѣзкое выраженіе—извольте.

— Гм... что же мнѣ съ вами дѣлать?

— Сожжете домъ—я новый построю.

— Ну, когда еще что будетъ, а осенью-то вы здѣсь не будете.

— Да я и безъ того скоро уѣду.

Онъ быстро повернулъ голову.

— Да? Что-жъ вы раньше молчали?

— А что-жъ мнѣ было вамъ докладывать?

— Это другое дѣло. Тогда можете покупать.

Послѣдній снѣгъ. Картина С. Святославскаго, авт. «Пчвы».

— Благодарю за дозволеніе. Я ужъ задатокъ далъ. Онъ засмѣялся и потеръ ладошью свой бритый подбородокъ.

— Соедѣями будемъ,—сказалъ онъ.

— Зачѣмъ вы брѣтаетесь?—спросилъ я.

— А у меня, какъ у Счастливецова, перья вмѣсто волосъ растутъ.

— Да, вѣдь вы актеромъ были,—вспомнилъ я.

— Былъ. Бездарность вопиющая, безнадежная, махровая бездарность! Бывало, выходишь на сцену и слышишь, какъ въ публикѣ говорятъ: „Опять этого мерзавца выпустили!“

— Неприятно?

— Я думаю. Вообще неприятно, когда въ своей профессіи чувствуешь себя прохвостомъ. А вѣдь одно время я горѣлъ. Въ „Отелло“ собирався играть. Помните:

Нѣтъ, я-бъ хотѣлъ родиться лучше жабой
Или... (вотъ ужъ не помню въ чемъ!) пресмыкаться,
Чѣмъ изъ того, что я люблю, другому
Малѣйшую частичку отдавать...

— Это вы не Каплю ли ревновали?

Онъ сдвинулъ брови.

— А вамъ что за дѣло?..

— Такъ, къ слову... Мнѣ показалось въ Парижѣ, что вы не только антрепренеръ ея, но и пажъ...

— Можетъ-быть, рабъ, плоть, миннесингеръ!.. Словомъ, я чувствовалъ въ себѣ стихію. И вотъ разъ я выступилъ въ городѣ Красногорскѣ. Дездемону играла племянница пристава, поэтому сборъ былъ полный... Я игралъ въ великолѣпномъ бухарскомъ халатѣ, красныхъ кумачныхъ шароварахъ и торжковскихъ туфляхъ, щитыхъ

золотомъ. Чалму самъ сдѣлалъ изъ кисеи и концовъ не пожалѣлъ, спустилъ до пятъ. Театръ помиравъ со смѣха.

— Съ чего же это?

— Ужасно смѣшно было. Ростъ у меня небольшой, такъ я къ туфлямъ коски и каблочки поддѣлалъ. Ходилъ на коскахъ, какъ птица, и все топорщился, чтобъ быть похожимъ на эѳіопскаго генерала. Какъ я выйду, такъ поголовный хохотъ. Послѣ третьяго акта свистѣть въ клочи начали. А я все продолжаю. Племянница пристава была вся въ угрихъ и годилась мавру скорѣй въ тещи, чѣмъ въ жены. Обозлила она меня. Вотъ въ послѣднемъ актѣ накрутилъ я, à la Сальвини, ея волосы себѣ на руку, да по полу къ кровати и поволокъ. Она какъ закричала не своимъ голосомъ: „Пустите, онъ меня неправду убьетъ!“—а я только воплю: „О, Дездемо-о-о-на!“ Ну, публика притихла, повѣрила. Шесть разъ вызвали. А Дездемона кричитъ: „Онъ у меня, подлець, пукъ волосъ вырвалъ!“ Дядѣ жаловалась, тотъ меня въ двадцать четыре часа убрать обѣщался... Да-съ... Вы видите, я нисколько не скрываю свою бездарность. Иной бы вамъ вралъ: говорилъ, ахъ, какъ я игралъ мавра! а я на чистоту. Вы можете надо мной смѣяться... Но я на сценѣ вотъ былъ каковъ: изъ боковой ложи въ меня запустили яблокомъ. Я его поднялъ, да назадъ въ ложу—синячине вотъ какой подставилъ... Полицеймейстеръ говоритъ: „Это что за bataille de fleurs“? Ну, и высадилъ за заставу.

— А зачѣмъ вы мнѣ все это рассказываете?

— Повторяю, зачѣмъ, чтобъ вы видѣли, что я не лажусь и правды не боюсь.

— Вы мнѣ лучше скажите, отчего вы не въ ладахъ съ братомъ?

(Продолженіе слѣдуетъ).

В е р б ы.

Ярче мѣсяцъ на ущербѣ,
Холоднѣй его игра;
Пышный цвѣтъ на красной вербѣ
Въ мягкомъ блескѣ серебра.

У просѣки—хвойный запахъ,
По дорогѣ слѣды телегъ;
На косматыхъ цѣпкихъ ланахъ
Старыхъ елей—рыхлый свѣгъ.

Воздухъ свѣжъ, по гдѣ-то таетъ,
Гдѣ-то слышенъ капель звонъ...
Сердце трепетъ наполняетъ...
Умъ встревоженъ, удивленъ...

Думы крадутся неслышно...
Чувства къ сердцу мягче лнутъ...
—Это, значитъ, вербы пышно
На зарѣ весны цвѣтутъ!

Леонидъ Афанасьевъ.

Отомстила.

Рассказ Анны О'Хангань.

Когда Эмелина Хардинг, встав с постели, по обыкновению подошла к небольшому окну с крошечными стеклами и посмотрела туда, на запад, куда каждое утро уже столько лет обращалась ее первый взгляд, она не поверила глазам своим: неужели на холодной лазури утреннего неба не рисуется обычная тонкая струйка сизого дыма? Не может быть! Но как ни терла она свои заспанные глаза, как ни прижималась лицом к холодному стеклу, из трубы домика в ложбинке не показывался дым.

А в этом утреннем дымочке столько лет уже воплощалось все, самое несправедливое ей в жизни. Видь его каждый день вновь будил в ней горькую злобу, черную ревность, непримиримое чувство обиды, уснувшая было за ночь. Отсутствие его глубоко потрясло ее. Если бы само солнце не взошло, она, кажется, не так бы смутилась. Торопливо одеваясь, она все оборачивалась к окну, а из дома Этты Джордант через дорогу до нее все не доносилось признака жизни.

Дрожавшими руками она развела у себя огонь и с лихорадочной поспешностью приготовила завтрак для себя и брата. Когда он пришел с дойки коров, шумно стаявшая с сапог мерзлый снег, он, при всей тупости нервов, почувствовала в воздухе какую-то особенную паничность. О причине он и не догадывался: дедушка четверть века имя Джордантов не произносил между братом и сестрой. У ней ненависть разрослась в сосредоточенном, злопамятном молчании; он же, перестав говорить, скоро забыл и думать о соседях.

Она то и дело, в течение всего дня, подходила к окнам, выходящим на запад, с видом на домики Джордантов. Дыма нить как нить.

На посторонний взгляд это было невзрачное жилище: одноэтажное, дверь на улицу и по бокам ее по окну. Сиреневые кусты у двери стояли еще голые, черные, без признака жизни в этот холодный, неприветливый мартовский день.

Но эта жалкая хата была для Эмелины символом ее унижения и торжества другой женщины. Она мысленно видела ее, свою сверстницу, во все моменты ее жизни; видела, как подтягивала работала Вестли Джордант, весело посвистывая и ногами разбрасывая желтый стружок. Это было после того, как он бросил ее, Эмелину, свою невесту, единственную «наследницу» во всем околице, когда она уже полугода шила себе приданое, — ее, гордую, любящую, но нелюбимую! — бросил открыто, безсовестно, из-за смуглой, румяной новоприказей красотики, сироты, племянницы старого кузнеца, безприданницы.

Эгоист и безхарактерный. Таких Вестли было уже смолodu. Она это знала, когда ее холодная, падменная натура оттаяла, согрета любовью. И еще она знала безошибочным, безопадным чутьем, которое она упорно в себя думала, что он имеет свою дешевую популярность на ее маленькое состояние. И все-таки она и этим не могла удержать его. На сцену явилась хорошенькая Этта, и он сразу лпнулся ей. И она, Эмелина, из своего дома через дорогу слышала удары его молотка и топора, когда он строит скромное жилище для своей залетной пташки.

Она видела, как пришла от вбца новобрачная, как Вестли на руках вынес ее в дом. Она смотрела, как они в сумерки, прижавшись друг к другу, сидели под цветущей сиренью.

Она видела, как собирались там кружок приятельниц вместе поработать, как лировали на крестниках; видела она там и горестные фигуры, шедшие за похоронными дрогами. Никто не смел говорить с нею о соседях, но она зорко следила за их жизнью, и ни одна подробность этой не ускользала. Она знала о их нужде, долгах, болзаниях. Она видела, как день за днем блекла красота молодой жены, как она теряла живость и прелесть; видела, как муж ее опускался до последней степени лжи и безсовестности. Всеми их бедствиями она питала свою злобу, но ничто ей не насыщало. В глуши этого далекого закоулка не было развлечений; в ее жизнь не входило ни новых интересов, ни привязанности, ничто, что бы утоляло вечно жгущее сознание обиды. Каждое утро, просыпаясь, она искала глазами дом сопер-

ницы через дорогу, и дым от несправедливого очага дразнил и разжигал ее злобу. Ей казалось, что никакое их горе, никакое бедствие не могло удовлетворить ее жажды мести.

Тогда назад, последняя похоронная процессия двинулась от злополучного домика: увезли на вечно упокоение безутрачного неудачника, в серебри и бархат, а бедная вдова, незадолго перед тем потерявшая последнего ребенка, безпомощно рыдала в карет, бжавшей за колесницей. И тут еще Эмелина подумала, что «мало ей». Видя эту женщину, укравшую у нее честь и счастье, постигло ни больше, ни меньше того, что могло случиться с любой женой и матерью. И озлобление одинокой женщины еще больше ожесточилось от сознания своего бессилия.

И вот, сегодня, когда холодное мартовское солнце ложилось бледным блеском на мерзлой поляне, она суетилась, не могла успокоиться и безпрестанно напрасно подходила к окну. Ей не сиделось на месте. Хотелось, чтобы кто-нибудь проехал, чтобы кто-нибудь зашел, хотя бы только надоедавший ей коровейник, ежегодно обходявший окрестные селения. Ей не терпелось: что за притча? Отчего там нить огня? Неужели Этта ночью тихонько ушла туда, куда не достанут враждебные взоры Эмелины? Неужели она, Эмелина, никогда больше не будет злорадными глазами следить за движениями своего ненавистного врага, не увидит ни утреннего дыма, ни вечернего красного сияния ее единственного освещенного окна? Неужели в самом деле — смерть?

У Эмелины сердце замерло. Неужели смерть воронки подкралась и похитила у ней то, чем питалось ее озверевшее сердце — смуглую надежду на какую-то безприметно жестокою, сладкую, утопленную мсть, — какую, она сама не знала, а только все ждала, ждала.

Неизвестность истомила ее, сдвинулась невыносимой. Она побжала в кухню, сорвала с вешалки большой платок и, закутав в него голову и плечи, выбжала из дома. Она не могла бы сказать, чего

именно она хотела, — ее тянуло удостовериться, что добыча не ускользнула от нее.

Она побжала длинной дорожкой, ведущей от ее двери к большой дороге, краем застывшего поля, перешла на ту сторону, сняла пальто, которая не вертелась на заржавленных петлях, и постучала в дверь, сама еще хорошенько не зная — зачем.

Ответа не было.

Она снова постучала погромче и, спустив с головы платок, приложилась щекой к двери и прислушалась. Ей послышался слабый дребезжащий голос, приглашавший войти. Она толкнула дверь: не подается. Она опять постучала и на этот раз явственно разслышала протяжную, беззвучную просьбу войти. Тогда она с большой силой надела на одну потрескавшуюся доску в двери, и та наконец поддалась. Она протянула руку в отверстие, нащупала замок и изнутри отворила дверь.

Из крошечной прихожей ход был в спальню, и там, на постели, Эмелина увидела проталкивавшуюся смуглой, румяной Эттой, укравшей когда-то у нее жениха, — бледную изможденную женщину, полуподнявшуюся на одном локте.

— Ты! — вырвалось у призрака, и Эмелина вошла.

Большая упала на подушки. Ее темные глаза следили за движениями принедевшей со страхом и недоумением. Эмелина села.

— Вот как! — произнесла она.

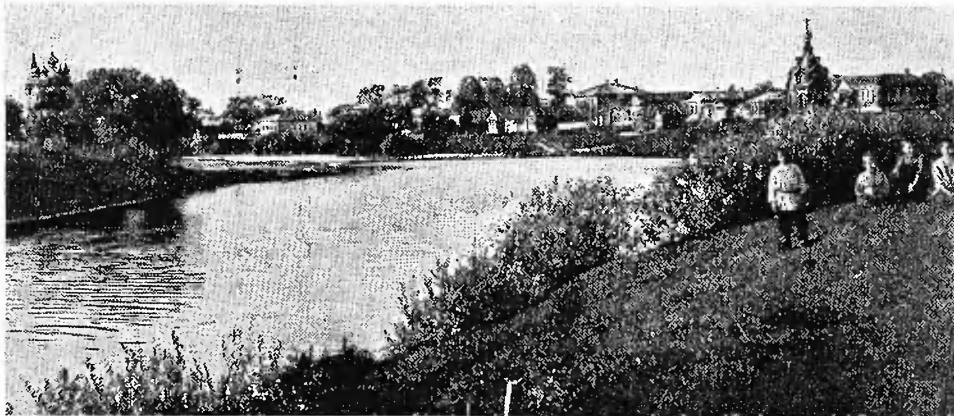
Она тоже тяжело дышала. Она не знала, чего она ожидала или на что шла. Она очутилась в захлоя, холодной атмосфере неоплаченного дома, что объяснялось пустым дровяным ящиком, от которого взор ее переключился к пустому же, подушечному лкану и к постели, в которой лежало тощее, большое испуганное существо, от слабости неспособное даже пошевелиться.

— Ты — ты пришла... убить меня? — шепнула поспешившая уста. Эмелину от этого вопроса обдало свирепой радостью с примесью какого-то безразличного чувства.

— Так ты вот чего испугалась? — усмехнулась она.

Безсильные слезы тихо покатались из темных глаз по впалым, жертвенно-блдным щекам больной.

— Зачем ты убивать меня? — сказала она. — Я отбила у тебя жениха, — но, Боже мой! это было так давно. И разве я не

Иконописное село. Общий вид села Холуй (Владимирской губ.), на берегу р. Тезы.

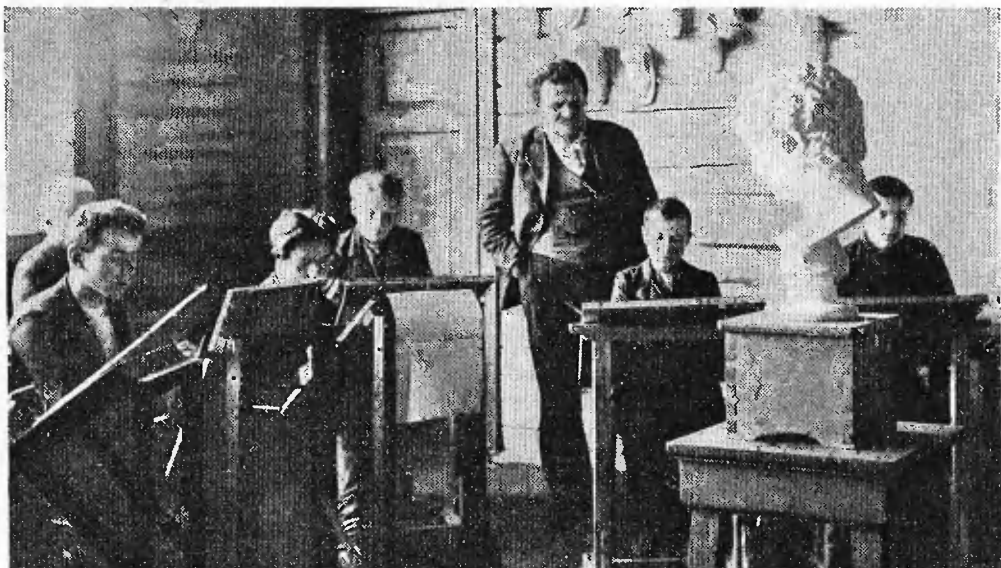
По фот. Н. Ольшанского. арт. «Пивы».

Иконописное село. Ученики за урокомъ.
По фот. Н. Ольшанскаго, авт. «Нивы».

довольно натерлась за это съ нимъ, — съ его безпутствомъ, вѣчными жалобами, — а дѣти всё такіе хилые, озяблые... Я знаю, ты всегда ненавидѣла меня. Эмелина, по повѣри: изъ насъ двоихъ тебѣ выпала лучшая доля. А теперь — теперь ты пришла надругаться надо мною. Что-жъ, на здоровье, — ненадою!

Голосъ ея опять потухъ въ слезахъ. Эмелина глядѣла на нее, и въ сердцѣ ея боролись странно противорѣчивые чувства. Презрѣніе къ бѣдному, слабому существу убило ея ревность къ деревенской красавицѣ, такъ давно обидѣвшей ее, и жалость, противъ воли закрапавшаяся, силсилась изгнать долго лелѣемую ненависть. Это несчастное созданіе тамъ на постели, больное, заморенное, запуганное, — его ли ненавидѣла она? А эта жизнь, состоявшая изъ грязной нужды, черной работы, лишений и горя, — этому ли она завидовала?

Иконописное село. Урокъ рисованія. По фот. Н. Ольшанскаго, авт. «Нивы».

въ передникъ щепотъ, размала стозвонный тутъ же ящикъ и съ добычей своей поспѣшила назадъ, въ спальню, гдѣ кое-какъ, на голыхъ камняхъ очага, развела огонь: пламя весело затрещало.

— Эмелина Хардинтъ! — застонала больная: — да ты никакъ съ ума сошла? Оставь меня, говорю тебѣ... да оставь же!

Эмелина не стала терять времени на объясненія и, въ падавшихъ уже синеватыхъ сумеркахъ, опростетью кинулась черезъ дорогу назадъ къ себѣ.

Тамъ въ прихожей стояла старая дѣтская толчка брата. Она схватила ее, наскоро напихала въ нее дровъ и всякой провизіи и побѣжала съ ней назадъ къ больной совсѣмъ уже впотѣмахъ. И на душѣ у нея было такъ легко, такъ тепло, какъ никогда, съ самаго того дня, когда былъ вырытъ фундаментъ злополучнаго дома.

Иконописное село. Въ мастерской. По фот. Н. Ольшанскаго, авт. «Нивы».

Иконописецъ. Картина К. В. Лебедева (XXXIV передвижная выставка), авт. «Нивы».

Ю. А. Новосильцов, Темниковский предвод. дворянства.

В. В. Пржевальский, гл. Моск. гор. думы и Смол. губ. земства.

А. Д. Самаринъ, предв. двор. Богородск. у., Моск. губ.

Докторъ медицины Е. В. Светловскій.

А. И. Чупровъ, проф. Московскаго университета.

Наши современные общественные дѣтели.

Иконописное село. (Съ 4 рис. на стр. 170 и 171).

Въ тридцати верстахъ отъ Вязниковъ, уѣзднаго города Владимирской губернии, на берегу рѣки Тезы, живописно раскинулось село Холуй. Жители этого села (а ихъ не мало, около 1000 душъ) земли не излѣютъ, хлѣбопашествомъ не занимаются, податей не платятъ и всѣ поголовно, отъ стараго до малаго, только и дѣлаютъ, что пишутъ иконы.

С. Холуй знаменито и славно своими иконописцами, произведенія которыхъ въ неизмѣрномъ количествѣ расходятся по всей Россіи. По той Россіи, которая живетъ въ крестьянскихъ избахъ, паряется въ конские сѣни и трудится, не покладая рукъ, въ полѣ или на фабрикѣ, чтобы сколотить липшия гроши.

Производство иконъ въ Холуѣ достигаетъ изумительныхъ размѣровъ: ихъ изготовляютъ тамъ отъ полутора до двухъ милліоновъ въ годъ. Чтобы написать такое количество иконъ, приходится довести работу до неимоверной, чисто-машинной скорости, и холоуяне, дѣйствительно, преуспѣваютъ въ этомъ: достаточно сказать, что иконные мастера своего дѣла ухитряются написать въ недѣлю до 600 «ликовъ».

Въ теченіе круглаго года все мужское населеніе Холуя, не разгибая спины, трудится надъ иконописаніемъ. Лѣтомъ работаютъ до сумерекъ, а зимою до поздней ночи, при чемъ по вечерамъ пользуются остроумнымъ приспособленіемъ для освѣщенія—такъ-называемымъ «глобусомъ». «Глобусъ» этотъ представляетъ собою круглую бѣлаго стекла бутылку съ водой. Нѣсколько такихъ бутылокъ, подвѣшенныхъ къ потолку, даютъ въ сочетаніи съ нѣсколькими свѣчами довольно сильный свѣтъ, которымъ и пользуются во время работы.

Иконы пишутся, главнымъ образомъ, на липовыхъ и ольховыхъ доскахъ. Доски эти привозятся изъ-за Волги цѣлыми транспортомъ отъ 100 до 200 возовъ ежедневно, обыкновенно великими постоми. Наибольше употребительные размѣры досокъ (и, стало-быть, иконъ) слѣдующіе: «полномѣрная» (11 вершковъ вышины), «маломѣрная» (8—9 вершковъ), «десятерики» (7 вершковъ), «девятирики» (6 вершковъ), «осьмерики» (5—6 вершковъ) и, наконецъ, «пистунки» (1—3 вершка вышины).

Прежде чѣмъ приступить къ работѣ, доску покрываютъ «левкасомъ», то-есть жидкимъ гипсомъ съ клеемъ, затѣмъ хорошо чистятъ ее «клениками», а послѣ всего этого переносятъ на нее контуры рисунка. У каждаго мастера имѣется подъ рукой нѣсколько готовыхъ оригиналовъ, съ которыхъ и снимаютъ «переводы», то-есть кладутъ на оригиналъ бумагу и, прокалывая иглою всѣ контуры оригинала, дѣлаютъ на бумагѣ пунктирный снимокъ.

Наложивъ затѣмъ такой бумажный снимокъ (то, что обыкновенно называется трафаретомъ) на доску, еще окружатъ его «левкасомъ», быть по бумагѣ мысленкомъ съ мелкимъ углемъ. Углемъ порошокъ заполняютъ проколы на бумагѣ и оставляютъ на доскѣ черныя контуры будущей иконы.

Послѣ этого приготавливаютъ фоны, золотятъ и серебрятъ все «окруженіе» и лишь затѣмъ приступаютъ къ изготовленію самой иконы, т.-е. лица.

Мастера дѣлятся на «личниковъ» и «доличниковъ»: первые пишутъ только лица, вторые же—все остальное, т.-е. одежду и прочіе аксессуары. «Доличники» начинаютъ работу, «личники» ее завершаютъ. Доска съ будущей иконою попадаетъ сначала въ руки «доличника», который выписываетъ всѣ одежды и обстановку и передаетъ затѣмъ доску «личнику».

«Личникъ» прежде всего покрываетъ лица сплошнымъ съроватымъ тономъ, что является какъ бы подмалевкой. Затѣмъ онъ проходитъ сажей тѣ контуры, которые были сдѣланы трафаретнымъ способомъ, черты же лица наводитъ бѣзлами. Затѣмъ онъ покрываетъ все темнымъ тономъ охры и ужъ только тогда приступаетъ къ обработкѣ тѣней и тоновъ.

Закончивъ отдѣлку иконы, онъ покрываетъ ее олифой, вслѣдствіе чего она приобретаетъ блестящій видъ,—и работа на этомъ и заканчивается.

Обыкновенно бываетъ такъ, что одинъ мастеръ пишетъ нѣсколько иконъ сразу: краски кладутся жидко, и бываетъ нужно покрыть одну и то же мѣсто нѣсколько разъ, пока не получится требуемый густой тонъ. Поэтому, пока одинъ покрытъ краской иконы сохнутъ, мастеръ работаетъ другія.

Несмотря на ту быстроту, съ которой пишутся иконы, каждая изъ нихъ все-таки отнимаетъ довольно много времени. А между тѣмъ цѣны за иконы установлены для рабочихъ, прямо, мизерныя. Достаточно сказать, что за сотню «пистунковъ» мастеръ получаетъ отъ своего хозяина не болѣе 3-хъ рублей! Продаются иконы, конечно, значительно дороже, но все-таки за гроши. Иначе нане крестьянство и покупать ихъ не стало бы!

Иконы продаются въ Холуѣ офенямъ, которые и разносятъ ихъ по всей Россіи. Для сбыта товара въ селѣ ежегодно устраивается въ теченіе года пять специальныхъ ярмарокъ.

За послѣднее время иконописцы обратили на себя серьезное вниманіе «Императорскаго общества любителей древней письменности». Въ самомъ дѣлѣ, положеніе ихъ было таково, что заслуживало полнаго вниманія и поддержки.

Прежде всего кидалось въ глаза ихъ тяжелое матеріальное положеніе и вѣчная закабаленность у подмичниковъ: выйдя послѣ 6 лѣтъ ученія изъ мастерской какого-либо подрядчика, ученикъ не былъ въ состояніи работать въ качествѣ самостоятельнаго мастера и поневолѣ поступалъ въ артель того же подрядчика, который и выжималъ изъ него всѣ соки, заставляя работать по 12—15 часовъ въ сутки.

Затѣмъ самое искусство иконописцевъ требовало освѣженія и новыхъ формъ, сообразно развивающимся вкусамъ и потребностямъ народа. Иконописцы же застыли въ старыхъ, наивныхъ и грубыхъ формахъ, не имѣя новыхъ образчиковъ, не получая никакого, хотя бы самодѣльнаго художественнаго образованія.

На эти обстоятельства, повторимъ, и было обращено вниманіе упомянутого общества, и въ 1902 году было образовано Высочайше утвержденный «комитетъ по иконописному дѣлу», специально для помощи иконописцамъ.

Въ томъ же году комитетомъ были открыты въ трехъ селахъ (Палехѣ, Холуѣ и Мстерахъ) учебныя иконописныя мастерскія, заведеніе которыми поручено художникамъ, окончившимъ академію художествъ. Въ наиболѣе благопріятныхъ условіяхъ оказалась Холуйская мастерская; она помѣщается въ томъ зданіи, гдѣ прежде была школа художника Н. Н. Харламова (уроженца с. Холуя), и получаетъ поддержку, кромѣ упомянутого комитета, еще и отъ земства.

Преподаваніе иконописи въ учебныхъ мастерскихъ ведется мастерами-руководителями, приглашенными комитетомъ изъ числа лучшихъ мастеровъ села. Художники, на которыхъ возложено заведеніе мастерскихъ, преподаютъ рисованіе и живопись. Мѣстные священники, кромѣ того, даютъ уроки еще и по Закону Божію.

Нужно надѣяться, что эти мастерскія поднимутъ художествен-

КЪ СВѢДѢНІЮ.

Въ отвѣтъ на многочисленныя запросы разныхъ политическихъ партій, общественныхъ учреждений, конторъ, торговыхъ и промышленныхъ фирмъ и частныхъ лицъ, контора журнала «Нива» считаетъ долгомъ заявить, что всевозможныя разсужденія и извѣщенія, программы партій, префискуранты и другого рода объявленія и рекламныя значительныхъ размѣровъ, но желанію, съ иллюстраціями, разсылаются при журналѣ, въ видѣ отдѣльныхъ вкладныхъ прибавленій, но особо установленному тарифу, при чемъ типографія «Нивы» беретъ на себя и самое печатаніе этихъ прибавленій.

Что касается содержанія этихъ особыхъ прибавленій, редакция «Нивы» за него не отвѣчаетъ такъ же, какъ и за содержаніе объявленій въ самомъ журналѣ.

Проф. П. О. Лесгафт.

С. Н. Масловъ, предс. Орловской губ. земск. управы.

А. М. Меморскій, Нижегородск. городской голова.

А. Н. Никитинъ, гласный Спб. городской думы.

И. И. Петрункевичъ, Тверской губернской гласный.

Наши современные общественные деятели.

ный уровень работников. А одновременно съ поднятисмъ художественности мастера получать болышую увѣренность въ своихъ силахъ и сумѣютъ добиться экономической самостоятельности въ трудѣ. Въ настоящее время уже нарождаются артели, поставившія своей задачей борьбу съ эксплуатацией подрядчиковъ, и одна изъ нихъ—въ с. Холуѣ—стала уже довольно твердо на ноги. Можно надѣяться, что старинное искусство иконописи въ будущемъ разовьется и расцвѣтетъ, какъ никогда, и любители этого рода живописи, быть-можетъ, отыщутъ со временемъ въ томъ же Холуѣ прекрасные экземпляры художественныхъ образовъ, подобныхъ знаменитому «Запечатлѣнному ангелу», съ такой поэзіей описанному П. С. Лысковымъ.

Суламиюъ. (Рис. на стр. 165).

«Шея твоя, какъ столпъ изъ слоновой кости, глаза твои—озерки Бсевонскія, что у воротъ Батрабима; носъ твой—башня Ливанская, обращенная къ Дамаску!»

Кому неизвѣстны эти пламенные стихи «Пѣсни Пѣсей» Соло-

ванія ординарнаго профессора. Въ то же время онъ несетъ съ 1895 года труды ученаго секретаря академической конференціи, а съ 1896 года состоитъ совѣтательнымъ членомъ медицинскаго совѣта министерства внутреннихъ дѣлъ.

А. П. Діанину принадлежатъ много трудовъ по его специальности. Немало работалъ онъ и для популяризаціи химическихъ знаний при Педагогическомъ музеѣ.

Второй изъ юбиляровъ, Василій Николаевичъ Сиротининъ пользуется громкой популярностью въ нашей большой публикѣ, какъ превосходный врачъ по внутреннимъ болѣзнямъ.

В. П. Сиротининъ происходитъ изъ купеческаго званія. Родился въ Москвѣ, въ 1855 году; высшее образованіе онъ получилъ въ Московскомъ университетѣ и въ Медико-Хирургической академіи, которую окончилъ въ 1880 году.

Свою научную дѣятельность юбиляръ началъ въ качествѣ ординатора клиники С. П. Боткина. Въ 1884 году онъ получилъ степень доктора медицины, въ 1887 году былъ избранъ приват-доцентомъ въ Военно-Медицинской академіи по кафедрѣ внутрен-

Проф. В. Н. Сиротининъ.

Проф. А. П. Діанинъ.

Проф. М. В. Яновскій.

Проф. Н. А. Холодковскій.

Юбиляры Военно-Медицинской академіи.

мона? Великолепная поэма эта обращена къ лицу возлюбленной Соломона, Суламиюъ, подъ которой, какъ извѣстно, понимается символическій образъ Церкви Христовой. «Суламиюъ» по-русски обозначаетъ «Мирвалъ», и имя это, по толкованіямъ нѣкоторыхъ ученыхъ, происходитъ отъ имени библейскаго города Сунемъ или Суламъ.

Картина художника Генриха Райзана даетъ яркій обликъ этой символической библейской красавицы, въ честь которой сложены знаменитые стихи «Пѣсни Пѣсей»

нихъ болѣзней. Въ 90-хъ годахъ В. П. Сиротинину пришлось играть видную роль въ двухъ городскихъ больницахъ: барачной и Маріи Магдалины и въ общинѣ св. Георгія. Работая въ этихъ учрежденіяхъ, В. П. Сиротининъ много содѣйствовалъ ихъ упорядоченію. При немъ были открыты институтъ гидротерапіи, электрическаго массажа и прот.

Съ 1894 года юбиляръ состоитъ профессоромъ Военно-Медицинской академіи по кафедрѣ частной патологіи и терапіи, съ 1899 г. онъ редактируетъ «Больничную газету Боткина». Пользуясь неизменной любовью и популярностью въ средѣ академической молодежи, В. П. Сиротининъ особенно популяренъ, какъ мы уже сказали, въ большой публикѣ, среди которой у него имѣется множество пациентовъ.

Не меньшей извѣстностью, какъ терапевтъ и діагностъ, пользуется и его товарищъ по академіи и по выпуску, Михаилъ Владиміровичъ Яновскій.

Уроженецъ юга, М. В. Яновскій получилъ образованіе въ Полтавской духовной семинаріи. Духовная карьера была ему не по душе, и онъ съ огромнымъ трудомъ добился возможности поступить въ свѣтское высшее учебное заведеніе—С.-Петербургскій университетъ. Начавъ изучать въ немъ естественныя науки, онъ позднеѣ перешелъ въ Медико-Хирургическую академию, въ которой блестяще окончилъ курсъ и съ которой донинѣ тѣсно связаны критическими научными узлами.

Въ 1885 году юбиляръ былъ назначенъ ассистентомъ Михайловской клинической больницы, въ 1886 году получилъ академическую приватъ-доцентуру по клиникѣ внутреннихъ болѣзней, а съ 1890 года состоялъ помощникомъ главнаго врача клиническаго военнаго госпиталя.

Юбиляры Военно-Медицинской академіи.

(Съ 4 портр. на этой стр.).

Истекающій академическій годъ оказался юбилейнымъ годомъ для четырехъ извѣстныхъ русскихъ ученыхъ, профессоровъ Военно-Медицинской академіи: А. П. Діанина, В. Н. Сиротинина, Н. А. Холодковского и М. В. Яновскаго. Всѣ четверо отпраздновали двадцатипятилѣтіе своей ученой и педагогической дѣятельности.

Первый изъ юбиляровъ, Александръ Павловичъ Діанинъ, пользуется широкою извѣстностью въ ученый міръ, какъ выдающійся химикъ. Любопытно то обстоятельство, что А. П. первую свою ученую степень получилъ за границей, въ Германіи: въ 1877 году Лейпцигскій университетъ присудилъ ему званіе доктора философіи за изслѣдованіе «объ окисленіи феноловъ». На родинѣ же А. П. Діанинъ первую ученую степень (магистра) получилъ лишь въ 1880 году.

А. П. Діанинъ—воспитаникъ Военно-Медицинской академіи. Съ 1881 года и понынѣ онъ состоитъ дѣятельнымъ членомъ ея, занимая въ настоящее время кафедру органической химіи въ

В настоящее время М. В. Ионовский состоит в течение уже многих лет профессором Военно-Медицинской академии по кафедре диагностики и общей терапии. Ему принадлежит огромное количество научных трудов, а кроме того он редактирует «Известия Императорской Военно-Медицинской Академии».

Четвертый из юбиляров—Николай Александрович Холодовский—не только ученый профессор и специалист по зоологии, но и весьма известный поэт и переводчик.

Сибиряк по происхождению, Н. А. Холодовский все свое образование получил в С.-Петербурге. В 1880 году он окончил курс в Медико-Хирургической академии, а в 1881 году, сверх того, еще выдержал при С.-Петербургском университете экзамен на степень кандидата естественных наук. Читая в разное время лекции по зоологии в университете, на высших женских курсах и в Лесном институте, он, кроме того, утвердился с 1892 года в качестве профессора и в Военно-Медицинской академии, где профессорствует и поныне, читая свой излюбленный предмет—зоологию.

Первые научные работы он произвел, еще будучи студентом. С той поры и до настоящего времени он опубликовал огромный ряд исследований по сравнительной анатомии, эмбриологии и общей биологии насекомых. Н. А. состоит почетным президентом Международного энтомологического общества.

Что касается его художественно-литературной деятельности, то в этом отношении Н. А. Холодовский, главным образом, известен, как переводчик «Фауста». Его перевод, снабженный огромными стихами и спорящими по художественности с известными переводами А. А. Фета, появился в свет в 1888 году и с тех пор выдержал несколько изданий.

Кроме того Н. А. Холодовский перевел много произведений Шиллера, Гёте, Ленау, Шекспира, Байрона, Гейне, Лонгфелло. Его перу принадлежат также немало и собственных стихотворений, прекрасных по форме и глубоким по содержанию.

В. А. Крылов. (Портр. на этой стр.)

28 февраля в Москве скончался известный писатель-драматург Виктор Александрович Крылов. — автор множества легких, остроумных и сценических пьес, пользовавшихся огромным успехом у нашей большой публики. В лицейского русского театр потерял своеобразного дятеля, создавшего пьесу библиотеку для современной сцены и обновившего ее репертуар громадным количеством занимательных пьес.

В. А. Крылов родился в Москве в 1838 году. Учился он сначала в одной из московских гимназий, а затем в Николаевском инженерном училище и академии. По окончании курса он был в течение некоторого времени преподавателем геометрии в военно-учебных заведениях, но потом решил посвятить свои силы литературе и вышел в отставку.

На литературное поприще В. А. Крылов выступил в 1862 г. пьесой рядом пьес и беллетристических произведений, в которых изображал различные отрицательные типы тогдашней общественной жизни. На театральном сцене произведения покойного впервые появились в 1865 году. В этом году была представлена его драма из крепостного быта «Против течения», доставившая ему крупный успех. Затем появились драмы: «Горелосчастие», «По духовному завещанию», «В духе времени», «Город упрямится», «Семья», «Орбита жизни», «Земли Горынич» и пр. Все он имел успех и был офицером публикой по достоинству, как художественный или злободневный, но во всяком случае интересные произведения.

Начав писать пьесы серьезного характера с сильным драматическим отблеском, В. А. Крылов позднее перешел к более легкому жанру веселой комедии и в этом отношении создал пьесу школу. Ни до него, ни после него этот жанр не был так разработан и так виден в текущей театральной репертуар, как при нем. Такие пьесы, как «Сорванец», «Лакомый кусочек», «Шалость», «Летние грезы», «Чудовище», «Секретное предписание» — создали пьесу эру в истории нашего театра и вызвали много подражателей. В последние годы

Я. Г. Гуревич († 3 марта с. г.).

им была написана эффектная пьеса для народного театра «Петр Великий», вызвавшая своим появлением на сцене петербургского Народного дома пьесу сенсацию.

В. А. Крылов нередко писал пьесы в сотрудничестве с другими авторами, причем обыкновенно брать на себя приспособление пьесы к сцене, так как он обладал редким знанием сцены и редким умением сообразить пьесам качество сценичности. Про такое соображение В. А. Крылова говорили шутя, что он «окрывает» пьесы. Так, из были «окрывают» пьесы Н. П. Погодина «Парень Софья», Мердер — «Генералша Магрен», Величко — «Первая муха» и несколько других.

В. А. Крылов, помимо пьес, написал целый ряд статей о театре. Наиболее известными из них являются: «Драма страстей Господних в Обер-Аммергау» и «Очерки театрального дала в Европе». Некоторое время В. А. был сотрудником театрального отдела «С.-Петербургских Ведомостей».

В 1893 году покойный драматург был приглашен завести репертуарной частью Александринского театра и занимал эту должность около трех лет. За это время он много потрудился над постановкой классических пьес европейских и русских авторов. Много он внес тогда в репертуар и своего редкого театрального сезонта обходясь тогда без новых, иногда нескольких пьес покойного, подписанных обыкновенно псевдонимом: «Виктор Александров». Знание современных артистических сил давало ему возможность писать пьесы применительно к индивидуальным качествам каждого известного артиста, и поэтому такие пьесы в исполнении этих артистов имели особенно шумный успех. Вспомним хотя бы того же «Сорванца», в котором так необыкновенно хороша была М. Г. Савина.

В. А. Крылов, безспорно, один из самых плодовитых драматургов. Им написано более ста пьес.

Покойный до последних лет сохранял свою удивительную трудоспособность и энергию. В конце жизни он ослаб и был разбит параличом, но тем не менее продолжал работать и деятельно собирал материалы для пьес из жизни Екатерины II. Пьесы этой однако уже не суждено было увидеть свет.

В. А. Крылов был одним из сотрудников нашего журнала. Некоторые небольшие пьесы его («Сорванец», «Секретное предписание», «Медведь сосватал», «Звучка» и др.) помещены впервые на страницах «Нивы». И с этих страниц он пьеском попадал на сцену любительских спектаклей еще до постановки на профессиональных сценах. В. А. Крылову принадлежит перевод «Натана Мудрого» Лессинга. Перевод этот считается образцовым и выпускается в свет фирмой А. Ф. Маркса роскошным изданием.

Покойного писателя, поистине, знала вся Россия.

Я. Г. Гуревич. (Портр. на этой стр.)

Русский педагогический мир понес крупную утрату: 3 марта скоропостижно скончался известный педагог и директор — владлец двух популярнейших в Петербурге учебных заведений, Яков Григорьевич Гуревич.

Покойный родился в Одессе в 1843 году. Учился он в местной гимназии, а затем в университетах Московском и С.-Петербургском. Окончив в последнем университете по филологическому факультету курс, он избрал для своей деятельности педагогическое поприще и начал учительствовать в Новгородской гимназии, где преподавал предметы своей специальности — историю и географию.

Позднее Я. Г. Гуревич отправился за границу, слушал там лекции знаменитых берлинских и боннских профессоров: Дройзена, Моммзена, Зибеля и др. и вернулся оттуда обратно в Россию с богатым запасом необходимых для дальнейшего учительства знаний. По возвращении в Петербург, Я. Г. Гуревич получил место в только что открывшемся С.-Петербургском учительском институте. Там он преподавал историю и с методикой в течение десяти лет, а вместе с тем состоял преподавателем истории в 3-й гимназии, в Константиновском и Михайловском училищах и читал (с 1881 г.) лекции по новой истории на высших женских курсах. В 1883 году Я. Г. Гуревич приобрел известную в свое время частную гимназию Вы-

когда и стать въ ней директоромъ, расширивъ ее и присоединивъ къ ней еще реальное училище. Въ 1885 году онъ былъ избранъ приватъ-доцентомъ С.-Петербургскаго университета по кафедрѣ всеобщей исторіи и въ течение трехъ лѣтъ читалъ на старшихъ курсахъ лекціи. Но съ 1886 года онъ всецѣло посвятилъ себя дѣятельности въ своихъ заведеніяхъ—гимназій и реальномъ училищѣ.

Я. Гуревичъ напечаталъ цѣлый рядъ серьезныхъ статей въ спеціальныхъ педагогическихъ журналахъ по методикѣ исторіи. Затѣмъ онъ издалъ превосходный учебникъ по исторіи Греціи и Рима и извѣстную «Историческую хрестоматію по новой исторіи». Эта хрестоматія, представляющая собою два удобнѣйшихъ тома, пользуется заслуженною репутаціей, какъ весьма цѣнное пособие къ изученію исторіи. Такую же репутацію имѣетъ и другая, аналогичная съ «Хрестоматіей по русской исторіи», составленная покойнымъ въ некоторыхъ частяхъ совместно съ В. А. Павловичемъ. Кромѣ того, подъ редакціей Я. Г. Гуревича переведены «Общій очеркъ исторіи Европы» Фримана и «Герои Рима» Штоля. Наконецъ, нельзя не упомянуть еще и о томъ, что Я. Г. Гуревичъ въ то же шестидесяти лѣтъ издавалъ и редактировалъ извѣстный педагогическій журналъ «Русская Школа».

Покойный считался однимъ изъ выдающихся преподавателей исторіи. Онъ умѣлъ приохотить своихъ учениковъ къ изученію предмета и развить въ нихъ любовь къ чтенію историческихъ сочиненій. Онъ былъ педагогомъ въ лучшемъ значеніи этого слова, потому что любилъ свое дѣло, посвятивъ ему съ 25-лѣтняго возраста всю свою жизнь, и любилъ дѣтей. И дѣти платили ему такую же любовью, и трудно было бы найти въ Петербургѣ болѣе популярнаго педагога, чѣмъ директоръ «гимназій Гуревича» и «реального училища Гуревича».

Въ дѣлѣ преподаванія покойный особенно преслѣдовалъ цѣль индивидуализаціи рованій учащихся, т. е. ставилъ задачей педагогики не-престѣнно считаться съ личными качествами каждаго отдѣльнаго ученика. Поэтому въ его заведеніяхъ благополучно закачивали образованіе такіе юноши, которые не могли пристроиться ни въ одной изъ казенныхъ гимназій, гдѣ, какъ извѣстно, ко всѣмъ учащимся примѣнялся до сихъ поръ одинъ аршинъ и одни требованія.

Покойный отличался чрезвычайно добродѣтельнымъ характеромъ, теплою привѣтливостью и отзывчивостью.

А. П. Никольскій. (Портр. на этой стр.).

Видный и отвѣтственный постъ главноуправляющаго землеустройствомъ и земледѣліемъ на-дняхъ получитъ новую зачѣтсителя. На эту должность назначенъ А. П. Никольскій, занимавшій до послѣднихъ времени должность управляющаго государственными судо-сберегательными кассами.

Александръ Петровичъ Никольскій принадлежалъ къ числу вѣстныхъ общественныхъ дѣятелей и уже давно обратилъ на себя вниманіе не только на административномъ, но и на учено-литературномъ и публицистическомъ поприщѣ. Съ его именемъ связано много цѣнныхъ начинаній и трудовъ въ каждой изъ этихъ областей.

А. П. Никольскій родился въ 1851 году въ Тульской губерніи. По образованію онъ юристъ, при чемъ во время своего пребыванія въ С.-Петербургскомъ университетѣ пробылъ три года еще и на естественномъ факультетѣ. Окончивъ въ 1880 году университетскій курсъ, онъ началъ государственную службу въ «комиссіи по изслѣдованію желѣзнодорожнаго дѣла въ Россіи». Позднѣе А. П. Никольскій служилъ въ главномъ штабѣ военнаго министерства, откуда потомъ перешелъ въ министерство финансовъ. Въ томъ

ислѣдствѣ вѣдомствъ и прошла затѣмъ вся дальнѣйшая административная дѣятельность А. П. Въ 1893 году онъ былъ назначенъ директоромъ государственнаго банка, а въ 1901 г.—управляющимъ сберегательными кассами.

Дѣятельность А. П. Никольскаго по управленію сберегательными кассами заслуживаетъ особаго вниманія. За время пребыванія его управляющимъ этихъ кассъ онъ достигъ чрезвычайнаго развитія, количество сберегательныхъ учрежденій возросло при немъ съ 2½ тысячъ до 6½ тысячъ. Итогъ сбереженій съ 250 миллионъ рублей поднялся до суммы свыше миллиарда рублей.

Кромѣ того А. П. Никольскимъ былъ пересмотрѣнъ уставъ сберегательныхъ кассъ, были введены новые типы кассъ (школьные, фабричныя и пр.) и подготовлены и съ 15 февраля текущаго года введены въ дѣйствіе страховыя операціи.

Что касается литературной дѣятельности А. П. Никольскаго, то начало ея относится еще къ его студенческимъ годамъ, когда имъ было написано весьма цѣнное изслѣдованіе «О дикорастущихъ кормовыхъ травахъ». Затѣмъ А. П. Никольскій помѣстилъ цѣлый рядъ статей по сельскохозяйственнымъ вопросамъ въ «Трудахъ Вольно-Экономическаго Общества», въ «Руси» (при И. С. Аксаковѣ), «Нѣдѣлѣ», «Русскомъ Экономическомъ Обзорѣ» и «Новомъ Времени».

Въ послѣдней газетѣ онъ печатался въ теченіе 30 лѣтъ, до самаго послѣдняго времени. Въ своихъ статьяхъ А. П. Никольскій обнаружилъ чисто-публицистическій талантъ и отзывчивость на всѣ современные вопросы. Въ 1902 году вышелъ отдѣльнымъ изданіемъ сборникъ его статей подъ заглавіемъ: «Земля, Община и Трудъ». Въ этомъ сборникѣ А. П. Никольскій высказался за распространеніе на крестьянскій бытъ обще-гражданскаго правового порядка и за уничтоженіе особаго законодательства, опутавшихъ крестьянское хозяйство встаронней, вредной и бессмысленной оцѣнкой. Итакъ, въ лицѣ А. П.

А. С. Стеткевичъ, новый с.-петербургскій почтъ-директоръ.

Никольскаго, русская высшая администрація обладаетъ опытнымъ и талантливымъ дѣятелемъ, и надо надѣяться, что его новая дѣятельность, въ качествѣ главноуправляющаго землеустройствомъ и земледѣліемъ, принесетъ благе результаты.

А. С. Стеткевичъ. (Портр. на этой стр.).

Видный постъ с.-петербургскаго почтъ-директора, съ уходомъ занимавшаго его П. П. Глаголева, оставался довольно долгое время незаполненнымъ. Въ настоящее время Высочайшимъ указомъ назначенъ на эту должность извѣстный въ сферѣ почтоваго вѣдомства дѣятель, А. С. Стеткевичъ.

Андрей Степановичъ Стеткевичъ получилъ хорошее образованіе, завершивъ его въ Николаевской академіи генеральнаго штаба. По окончаніи въ ней курса онъ поступилъ на военную службу и успѣшно проходилъ ее съ 1875 г. до 1899 г. Въ 1899 году онъ оставилъ военное поприще и перешелъ въ вѣдомство министерства внутреннихъ дѣлъ, при чемъ былъ назначенъ на должность чиновника особыхъ порученій при начальникѣ главнаго управленія почтъ и телеграфовъ. Въ 1903 году А. С. Стеткевичъ былъ уже инспекторомъ почтъ и телеграфовъ и проявилъ въ этой должности не мало энергіи, будучи часто командированъ въ провинцію для инспектированія почтоваго и телеграфнаго дѣла.

Непосредственно съ этой должности А. С. и назначенъ на новый выдающійся постъ. Нужно надѣяться, что долголѣтній опытъ въ почтово-телеграфномъ дѣлѣ и личная энергія помогутъ новому почтъ-директору быстро ориентироваться на новой должности и дадутъ ему возможность направить почтово-телеграфное дѣло въ надлежащее русло послѣ памятныхъ недавнихъ событій.

Содержаніе.

ТЕКСТЪ: На томъ берегу. — Писала пашихъ дѣ. П. П. Гитѣдича. (Продолженіе). — Вербы. (Стихотвореніе). Леонидъ Афанасьевъ. — Ото-ревичъ. — А. П. Никольскій. — А. С. Стеткевичъ. — Объясненія.

РИСУНКИ: И: Вечерній отдыхъ. — Маленькая датчанка. — Суламнѣ. — Послѣдній снѣгъ. — Иконописное село. 1) Общій видъ села Холуй (Владимирской губ.), на берегу р. Тезы. 2) Ученики за урокомъ. 3) Урокъ рисованія. 4) Въ мастерской. — Иконъ. — Наши современные общественные дѣятели. 1) В. В. Пржевальскій. 2) Ю. А. Носовъ. 3) А. Д. Самаринъ. 4) С. В. Святловскій. 5) А. И. Чупровъ. 6) Проф. П. Э. Лесгафтъ. 7) С. Н. Масловъ. 8) А. М. Моморскій. 9) А. Н. Никитинъ. 10) И. И. Петрункевичъ. — Юбилеи Военно-Медицинской академіи. 1) В. Н. Сиротининъ. 2) А. П. Данинъ. 3) М. В. Яновскій. 4) Н. А. Холодковский. — В. А. Крыловъ. — Я. Г. Гуревичъ. — А. П. Никольскій. — А. С. Стеткевичъ.

Въ этому № прилагается: „Полнаго собранія сочиненій К. М. Станюковича“ книга 3.